

К Р О К О Д И Л

R. 556/425

УБОРОЧНАЯ КАМПАНИЯ В РАЗГАРЕ

Тамбовская фрицекосилка.

Рис. А. Каневского

Свадьба ✓

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ, захватывающая, неслась навстречу дороге.

Копыта коней вихрили дорожную пыль, тускло поблескивая серебром подков, дружно чеканя тихий шаг по гнущимся доскам ветхих мостков и гатей. И, как только уходил из-под ног гулкий настил мостов, струной натягивались вожжи, пускались кони вскачь, клонились навстречу березы, пыльные вербы, испуганно взлетали с придорожных сосен вертлявые сороки и торопливо шарахались в сторону леса.

Все гремело, пело, гудело. С гиканьем, свистом, с веселым перезвоном бубенчиков заливались гармони, отчаянно взвизгивали скрипки. Струились в конских гривах разноцветные ленты, парусом надувались вышитые рубахи, пестрели цветистые полотенца у сватов и друзей.

Высоко-высоко взлетала песня, подгоняемая бесшабашными бубнами:

«Не плачь, не плачь, Марилька, слез не лей—
На сватов погляди веселей:
У твоих же сватов богатые хаты:
Небом крыты, еловые латы...»

Передней тройкой залихватски правил дед Архип. Жмурясь на солнце, он изредка по-матривал на невесту, сидевшую у него за спиной. Невеста была как невеста: в белоснежной фате, с венком на голове, букетиком восковых цветов на груди. Невеста была в меру серьезна, в меру грустна, сидела прямо, крепко держась за сиденье на крутых поворотах, и часто подмигивала деду густо подведенными ресницами. Дед яростно кричал и, покосив глазом на непомерно пышную грудь невесты, ожесточенно сплевывал в сторону.

— Эх, ты, лихо комариное, не соблюла пропорцию!.. С такой грудью только боб молотить... Ну, ну!.. Побалуй у меня!..— накидывался дед на пристяжную, не проявлявшую особенного усердия и все норотившую ослабить постромки, перехитрить сварливого деда.

Телега рванулась броском, бешено помчали кони, и весь свадебный кортеж летел в грохоте, в пыли, заливаясь бубенчиками, колокольцами, разухабистой песней, гармонью.

Навстречу уже махал отчаянно винтовкой немецкий часовой и растерянно жался в сторону, с трудом соображая, что же ему делать в этом непредвиденном ни одной инструкцией случае.

Уже въезжали в околицу села. Выскакивали из дворов ребятишки, стремглав бросались к телегам, крича на все голоса:

ВОСПОМИНАНЬЯ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

Рис. Л. Бродаты

— Как хороши, как свежи были рожи!..

— Свадьба едет!.. Свадьба, свадьба!..

Выбегали вслед бабы, девчата. Выходили из ворот немецкие солдаты и, провожая взглядом веселый кортеж, подмигивали друг другу:

— Рус женится...

Заслышав бубенцы, вышли на улицу и несколько офицеров из штаба, снисходительно посмеиваясь, шуря глаза из-под вспотевших очков на весь этот пестрый шум и гам, так неожиданно ворвавшийся на тихую, сумрачную улицу. Передняя тройка круто развернулась на всем скаку и стала как вкопанная у церкви, что против самого штаба. Аж вздыбились кони, одернутые крепкой рукой старого Архипа. И, приподнявшись на передке, дед гаркнул во все горло:

— Музыка, свадебный марш!

И вдруг замолчала гармонь, утихли бубны. Мгновенно наступившую тишину прорезала густая, басоватая дробь пулемета. Пулемет бил с передней тройки, прямо из-под сиденья невесты. Разорвали воздух гулкие, тяжелые взрывы — несколько метко брошенных гранат разнесли, разворотили крышу и стены штабного дома. Уже ввязались в дело автоматы, винтовки. На улице творилось невообразимое. Бросая винтовки, облегчаясь на ходу от мундиров, бежали по огородам немецкие солдаты, и лица их были пепельно серы. В оловянных глазах стеклился застывший ужас перед этими пестрыми лентами и бубенцами, перед всеми этими людьми в таких мирных костюмах, праздничных, светлых. Но бежать было некуда. Прямо наперерез им неслись по огородам страшные тройки, и гривы коней развевались — грозные, непостижимые.

А у штаба уцелевший из группы офицеров подполковник бросился было бежать вдоль улицы. Его заметила невеста и, проявив необычайную резвость и прыть, мгновенно выпрыгнула из телеги. Она забыла всякие приличия, высоко задрала подвенечное платье — из-под него видны были добротное галифе и довольно объемистые сапоги — и коршуном бросилась вслед офицеру. Миг, другой — и невеста сцепилась с бегущим. Что тут было! Дед Архип даже глаза прижмурил от страха за невестины уборы. Подвенечная фата летела шматками, сбился на сторону венок, невестина грудь вдруг неожиданно оторвалась и глухо шлепнулась на дорогу, за ней полетела и другая. Дед даже крикнул от обиды:

— Господи боже, вся краса гибнет даром! Говорил же чорту привязывать покрепче... — и, передав лошадей подвернувшемуся парню, засеменял на помощь невесте.

Но та уже вела навстречу ему подполковника, крепко зажав позади ему руки. Дед посмотрел на нее с укоризной, хозяйственно подобрал на дороге невестины груди — сухарные мешочки, аккуратно набитые сеном, — только потом уже старательно скрутил подполковничьи руки, завязав их за спину.

Бой давно кончился. Сортировали по тройкам пленных, грузили захваченные трофеи, оружие, ящик с документами. Невеста успела полностью разоблачиться, сдать деду подвенечное платье, остатки фаты. Дед посмотрел растерянно на жалкие остатки свадебного убора и, решительно отстригив все это рукой, сокрушенно сказал невесте:

— Так что ты уже сам, Данила, отдавай моей бабе ее наследство. Пооди, поговори теперь с ней: это тебе не с немцами женихаться... — и, грустно вздохнув, взялся за вожжи.

— По ко-о-ням! — подал команду Данила, партизанский командир.

Легкой рысью пустились по улице кони в обратную дорогу.

На нескольких тройках затянули веселую, свадебную:

«Поедем, сватки, до дому, до до-о-му!»

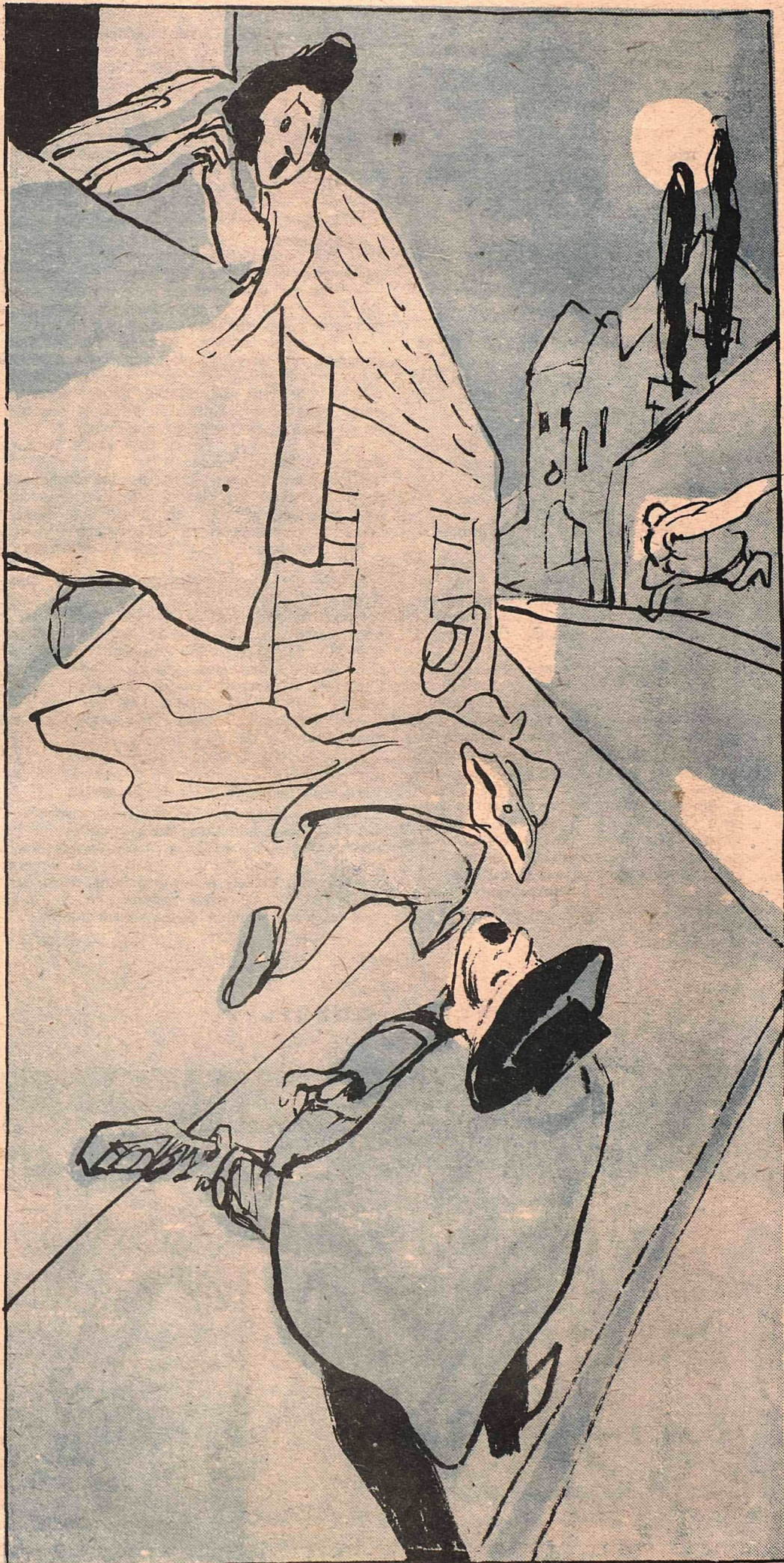
Поели коники солому, со-о-лому...»

«Свадьба» неспеша возвращалась домой, в лес.

Михась ЛЫНЬКОВ
(Перевод с белорусского)

НЕАПОЛИТАНСКАЯ СЕРЕНАДА

Рис. В. Горлева

— Прелестная синьора-а-а!.. Воздушная тревога-а-а!..

Встреча в котле

Рис. К. Елисева

ГОРЬКАЯ

ЭТО был обычный рабочий день в преисподней.

Здоровенный чорт приволок из раздевалки голого фрица и бросил его в кипящий котел. Не успел фриц опомниться, как кто-то над самым его ухом крикнул на чистом немецком языке:

— Эй, кого сюда чорт принес?

Фриц осмотрелся и увидел, что он в котле не один: там лежал еще один голый немец.

Новоприбывший отрекомендовался:

— Фриц Зумпе, солдат 217-го полка 62-й пехотной дивизии.

— Откуда?

— Из-под Ржева. Только что прибыл. А ты кто?

— Фриц Пумпе, солдат 37-го саперного батальона 83-й бронетанковой дивизии.

— Откуда?

— Из-под Можайска. Прибыл сюда в декабре 1941 года.

— Ого! Что же ты тут делаешь целый год?

— Греюсь и никак отогреться не могу. Кроме того я смертельно ранен.

— Куда?

— Туда, куда полагается при стремительном отходе на заранее заготовленные позиции.

— Жму руку. Я тоже. Туда же.

— Как там сейчас под Ржевом? Очень холодно?

— Как и в прошлом году под Можайском. Жарко.

— А где твой полк?

— Странный вопрос! Я от своей части никогда не отрываюсь: весь полк здесь вместе с командиром. Скоро должны прибыть сюда и остальные полки нашей дивизии. Ну, а здесь как?

— Плохо. С каждым днем все хуже и хуже. Конечно, отопление здесь поставлено лучше, чем в сугробах под Можайском. Но жилищный вопрос с каждым днем ухудшается. Теснота страшная. Все время прибывают сюда все новые и новые солдаты и офицеры нашей доблестной армии. Опять же итальянцы, венгры, румыны, финны... Прут и прут. Толчея ужасная! Вчера прибыла огромная партия немцев из-под Сталинграда. Будто бы даже целая дивизия. Хвастают: «Мы, — говорят, — из окружения вышли и прямо сюда попали». Вот какие дела! А между тем, когда строили ад, никакой чорт не мог предусмотреть, что в нем будет столько квартирантов.

— А почему бы не устроить еще один ад? Котля бы небольшой филиал.

— Котлов нет. Весь металл пошел на войну. Опять же не хватает обслуживающего персонала. Все черти и так валяются с ног.

— Ну, а организовать здесь что-нибудь можно? Скажем, водятся здесь поросята, куры, яйца?

— Новички приносят с собою вшей. А так вообще другой живности не замечается.

— Скучно у вас. Никакого развлечения. О немцах, вижу, тут мало заботятся.

— Ну, а как там на земле? Как наш фюрер?

— Кричит.

— На кого?

— Так, вообще. Кричит, что через три дня окончательно разобьет русских.

— Что ты мне рассказываешь старые сказки! Это я без тебя все знаю. Это же он в прошлом году кричал.

— Ты мало знаешь фюрера. Он человек упорный. От своего слова не ототупает. Начав войну с Россией, он тут же раскричался: «Через три дня разобью!». Через месяц он опять повторил: «Через три дня!» И так почти каждый месяц: «Через три дня!»

— Вот поэтому тут у нас такая теснота, что даже чертям тошно...

Дружеская беседа двух фрицев была внезапно прервана. Тот же самый, уже знакомый нам здоровенный чорт притащил еще одного немца и, размахнувшись, бросил его в котел. Новоприбывший, как только очутился в котле, рявкнул:

— Встать! Смирно! Я обер-ефрейтор Фриц Кумпе.

Фриц из-под Ржева, будучи новеньким в этих местах, встал и вытянулся. Но фриц из-под Можайска спокойно возразил:

— А чем докажешь, что ты обер-ефрейтор? Где твои нашивки? Голый человек — не ефрейтор. Брось ерепениться. Откуда?

— Восточнее Великих Лук, — ответил тот упавшим голосом.

— Знаю. Ну, садись.

— Не могу.

— Жму руку. Я тоже. Туда же.

— Северозападной Сталинграда, юго-восточной Нальчика, западнее Ржева, восточной Великих Лук, — а русская пуля чаще всего попадает в одно место, — философски заметил фриц из-под Ржева, почесав то жизненное пространство, где у него сидела русская пуля. И разговор принял оживленный характер.

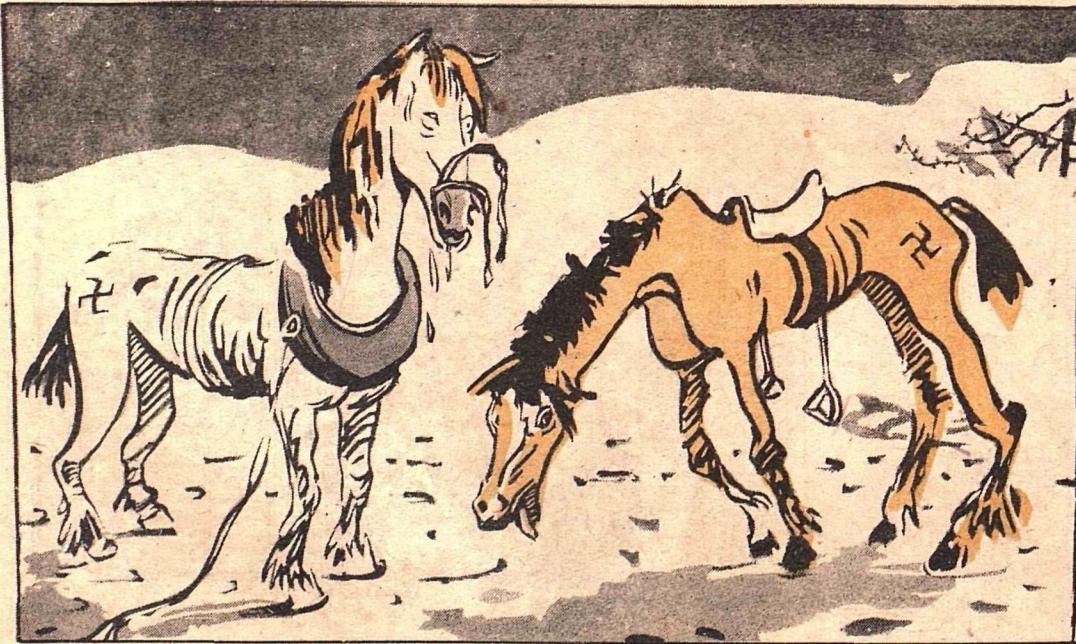
Г. РЫКЛИН.

— Что ж это такое, дуче! Ведь войск, чем мне!

ВЕНГЕРСКАЯ ДОБЛЕСТЬ

Рис. А. Каневского

— А где твой хозяин?
— Ему тоже попало и в хвост и в гриву!

Частушки

Для налетчиков Калач
С пылу, с жару был горяч.
Ты с фашистским рылом, гад,
К нам не лезь в калачный ряд!

За Петра Маруса рада:
Он защитник Сталинграда —
Там, где пули петины,
Кучи фрицев сметены.

Фрицам западнее Ржева
Угодило в бок и в чрево.
Будет фрицам западной
Еще больше драпо-дней!

У Павлуши чепка
Очередь короткая:
Только очередь пу
Фрицам жизнь укор

Буду дедушке утех
Старого побалую:
С «треугольником»
А вернусь со шп

На Дону излучина
Здорово закручена
Гаду, знать, ползуч
Помнить ту излуци

Новые виды немец

НАДНЯХ Геббельс вооружил немецкую армию своим знаменитым электрическим вракометом. Надо надеяться, что Геббельс на одном вракомете не остановится и очень скоро мы прочтем в немецких газетах нижеследующую заметку:

«В берлинских военных кругах нам сообщили, что в дополнение к танку-огнемету и электрическому пулемету немецкая армия получила новые виды грозного и весьма эффективного вооружения.

Немецкая артиллерия получила тяжелые и легкие турысы на колесах. Сейчас немецкие

изоб
вода
К
вне
прев
буду
солд
водс
ти р
Ге
вае

вы даете англичанам больше

ТЕПЕРЬ это какое-то поветрие — писать письма на фронт незнакомым военным людям. Чуть только услышат что-нибудь малю-малюски хорошее про военного человека да еще адрес его узнают, ну, и держись тогда военный человек! Письмами засыплют. А то еще проще: понравится переключка двух друзей по радио, возьмут и встрянут. Так было с фельдшером Репушкиным. Он однажды сообщил по радио своей эвакуированной семье на Урал, что домик их на Смоленщине сожгли немцы. И что же? Не прошло недели, Репушкин уже тридцать шесть писем получил. Пишут примерно так:

«Дорогой наш любимый военфельдшер! Вы о своем домике на Смоленщине не горюйте. Кончится война — приезжайте к нам гостить, а если взглянется, то навовсе. У нас большая изба на берегу Иртыша. Будем вам как братья и сестры».

Репушкин говорит:

— С ума надо сойти — тридцать шесть писем! Я своим-то никак ответить не соберусь. И, главное дело: приезжайте! А я вот возьму и приеду, как отвоююсь. И с женой, и с тещей, и навовсе!

— И примут, — говорит сержант Мухин.

Да, и вот, между прочим, характерная черта: в этих письмах многие предлагают себя бойцам в дедушки и в бабушки, просят в матери и в сестры. Дружбу верную и нерушимую предлагают.

И вот именно такую дружбу предложила в письме известному снайперу Никите Пескову одна прелестная девушка. Откуда известно, что она прелестная? Очень просто: прислала фотографию.

Многие от зависти просто лопались.

А Маша все писала. И какие же это были главные письма! О книгах, о театральные новинках и о каком-то Федьке, которого она не переставала, потому что он не на фронте.

— Эх, скотина ты, Федька, жаль мне тебя! — весело вздыхал о незадачливом незнакомце Никита и тоже писал.

И вот в одном письме Маша сообщила, что на фронт выезжает бригада кинематографистов для съемки специального выпуска, посвященного героическим делам их части. И она

приедет с бригадой как помощник оператора. «Может быть, встретимся?!»

И вот тут-то Никита и загрузил. Он ходил с несчастным лицом и в своей меланхолии дошел даже до того, что однажды заявил:

— Наломая же я нынче немецких дров, но не возразил бы, чтоб и меня ухлопали. Осталась бы о Никите Пескове одна светлая память. Красиво!

И тут все поняли, что он определенно боится встречи с Машей из-за своей неинтересной наружности. Но он и не скрывал.

И вот приехала бригада. И с ней появилась Маша. Да, что и говорить, это была прелестная девушка! И даже лучше, чем на карточке. И только товарищи расступились, чтобы выдвинуть Никиту Пескова, как сам Никита, слегка побледневший, решительно выступил вперед, взял за руку красавца сержанта Мухина и сказал:

— Вот ваш Никита Песков, познакомьтесь...

Все так и охнули, а сержант только было рот раскрыл, и даже еще неизвестно, что бы он такое сказал, как Маша сама подошла к Никите, к настоящему, а не к сержанту, и сказала:

— Никита, зачем же вы мне сочиняете? Как будто я вас не знаю! Ваша карточка у меня полгода на письменном столе стоит.

— Какая карточка?

— Очень обыкновенная, — говорит Маша. — Когда вас еще давным-давно для кинохроники снимали, это в самом начале нашей переписки, все пленки через мои руки прошли, хоть я сама на съемке и не была. И я знала про вас, Никита, что вы замечательный человек.

Но тут уж товарищи все вместе стали вырывать своего бедного врага. А сам он сказал:

— Это я со страху, признаюсь в таком смертном грехе. Боялся, что получится разочарование.

Маша сначала очень обиделась, но потом простила. И теперь у них, говорят, переписка жарче прежней, и даже, кажется, они уже перешли в письмах на «ты», и даже кто-то врал по секрету, что будто после войны они собираются пожениться...

Очень может быть. Мало ли что хорошее будет после войны.

В. КАРБОВСКАЯ

стиль, —
ротил.

ой,

уехал,
алою!»

ему —
ну!

цкого оружия

ретатели работают над проблемой пере-
турусов с колес на гусеницы.

оме того в каждое немецкое подразделе-
доставлены особые мухи, которые легко
ращаются в слонов-пикировщиков. Слоны
т ходить в атаки и своим ревом пугать
дат противника. Затем каждому немецкому
дату будет выдана особая чайная ложка с
ой, в которой он сможет утопить до десяти
русских.

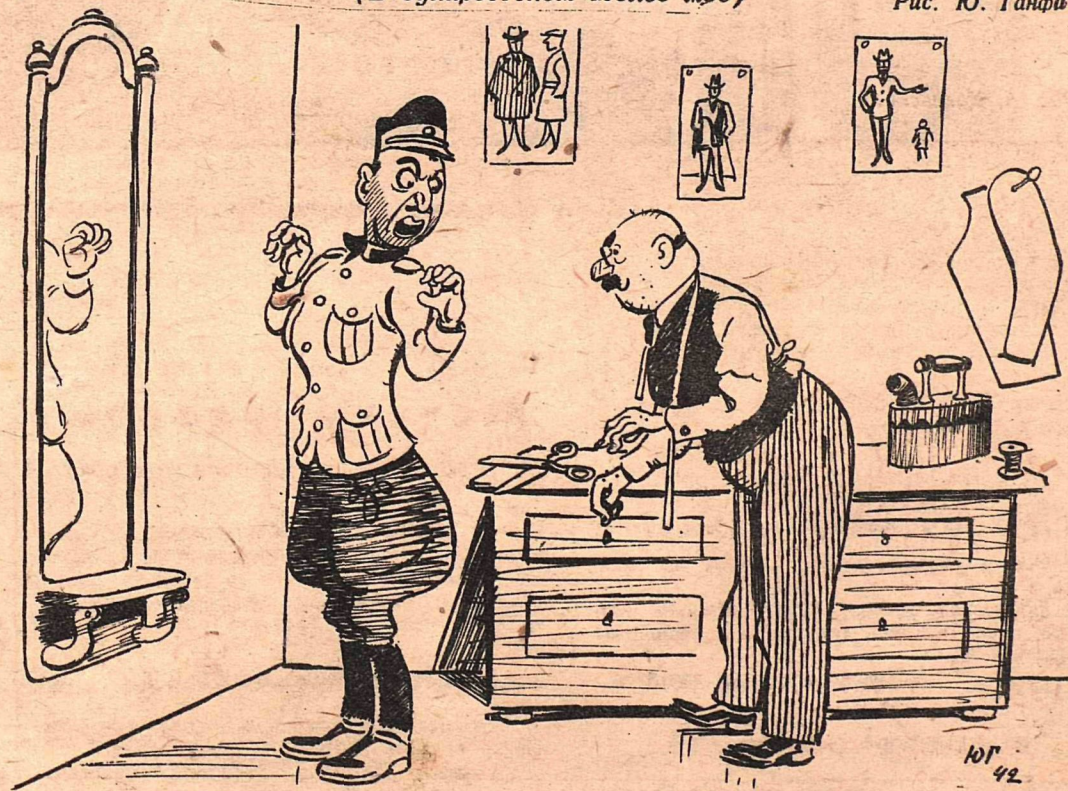
рманское министерство пропаганды отли-
новые разрывные пули...»

Л. ЛЕНЧ

НЕУДОБНЫЙ ПОКРОЙ

(В бухарестском ателье мод)

Рис. Ю. Ганфи

— Вы совершенно испортили мундир! Ведь я в нем, когда
нужно будет, не смогу поднять руки!

ЮГ 42

Рис. Ю. Ганфа

— Стану сказывать я сказки про Восточный фронт!..

Метким ударом

(По страницам красноармейской печати)

«ГОТОВНОСТЬ» К ЗИМЕ

— Обер-лейтенант Шульдц, готова ли ваша часть к зиме?

— Полностью готова. Много рукавиц оказалось даже лишними, так как у большинства солдат нет рук.

(«Красноармейская звезда»)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

— Скажите, герр учитель: улицы в Сталинграде очень длинные?

— А, собственно, к чему вопрос?

— Да вот брат мой Курт пишет, что уже два месяца их дивизия продвигается по одной улице, а конца улицы все не видно...!

(«Красноармейская звезда»)

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

— Скажи-ка мне, рядовой Группе: какое ты знаешь главное правило в горной войне?

— Главное правило, господин фельдфебель,— не забирайся очень высоко: больней будет падать.

(«Тревога»)

ПОД АФРИКАНСКИМ СОЛНЦЕМ

Итальянец (гордо):—Вы слышали, во-яки-немцы в Египте побежали, а наши все-таки остались?

— Где?

— В плену.

* * *

Итальянский генерал (со слезами в голосе):—На кого это вы меня, герр Ромель, покидаете?

— На англичан!

(«Знамя советов»)

Двести метров

Рис. Б. Фридкина

В ОДНО тихое зимнее утро фронтовая бригада московских артистов дала концерт бойцам вблизи переднего края.

Утро было относительно тихим. Где-то вдали на басовых нотах гудела наша тяжелая артиллерия. В морозном воздухе внезапно затарахтели пулеметы и умолкли. Таким образом концерт прошел без запинки и кончился солидным номером конферансье, дородного, гвардейского роста мужчины, которого хорошо знали на фронте и в шутку называли «гвардии конферансье».

Уже жонглер сложил в коробку свои мячки, уже баянист бережно спрятал в футляр свой баян, когда конферансье, он же руководитель бригады, прощаясь с командиром части, сказал:

— Спасибо вам за прием и за приглашение отвезать чего бог послал, но мы горючимся к вашим соседям: следующий концерт у них.

— Вы к майору Яковлеву? — сказал командир. — Это совсем под боком, по прямой линии — метров двести, но в обход — три километра.

— Зачем же нам в обход? Мы люди негордые, можем и напрямиком, — ответил конферансье, стараясь затянуть ремень кожаного пальто.

— А сие, как говорится, от нас не зависит... То есть пока от нас не зависит, — возразил командир.

И, пройдя несколько шагов, он показал на водокачку. Водокачка, или, вернее, то, что от нее осталось, была надежным укрытием. Здесь на кирпичной стене было написано мелом:

«Прохода нет. Местность простреливается противником».

Вокруг все усмехнулись. Слова «Закрывается на переучет» были рефреном куплетов, которые только что исполнял конферансье.

Самый большой успех у бойцов имел такой куплет:

«Ворюге фрицу жизнь — малина:
И спирт, и мед, и колбаса,
Но вот пришел приказ Берлина —
Взять город в 22 часа.
Идут в огонь полки, бригады...
И так проходит день за днем,
А город — наш, и тают гады
Под нашим яростным огнем.
Берлин шумит: «Опять осечка!
Спешите! Время же течет!»
Ответ: «Усушка и утечка —
Закрывается на переучет».

Вот почему шутка конферансье о «закрывается на переучет» двухстах метрах дороги имела успех у бойцов.

Артисты уселись в грузовик и приготовились прятиться три километра по ухабам и ямам обходной дороги. Конферансье, прощаясь, сказал:

— Через восемь дней мы будем снова в ваших местах. Давайте условимся: если вы возьмете на учет эти двести метров, — мы к вам приедем и дадим вам заключительный концерт перед штабом в Москве.

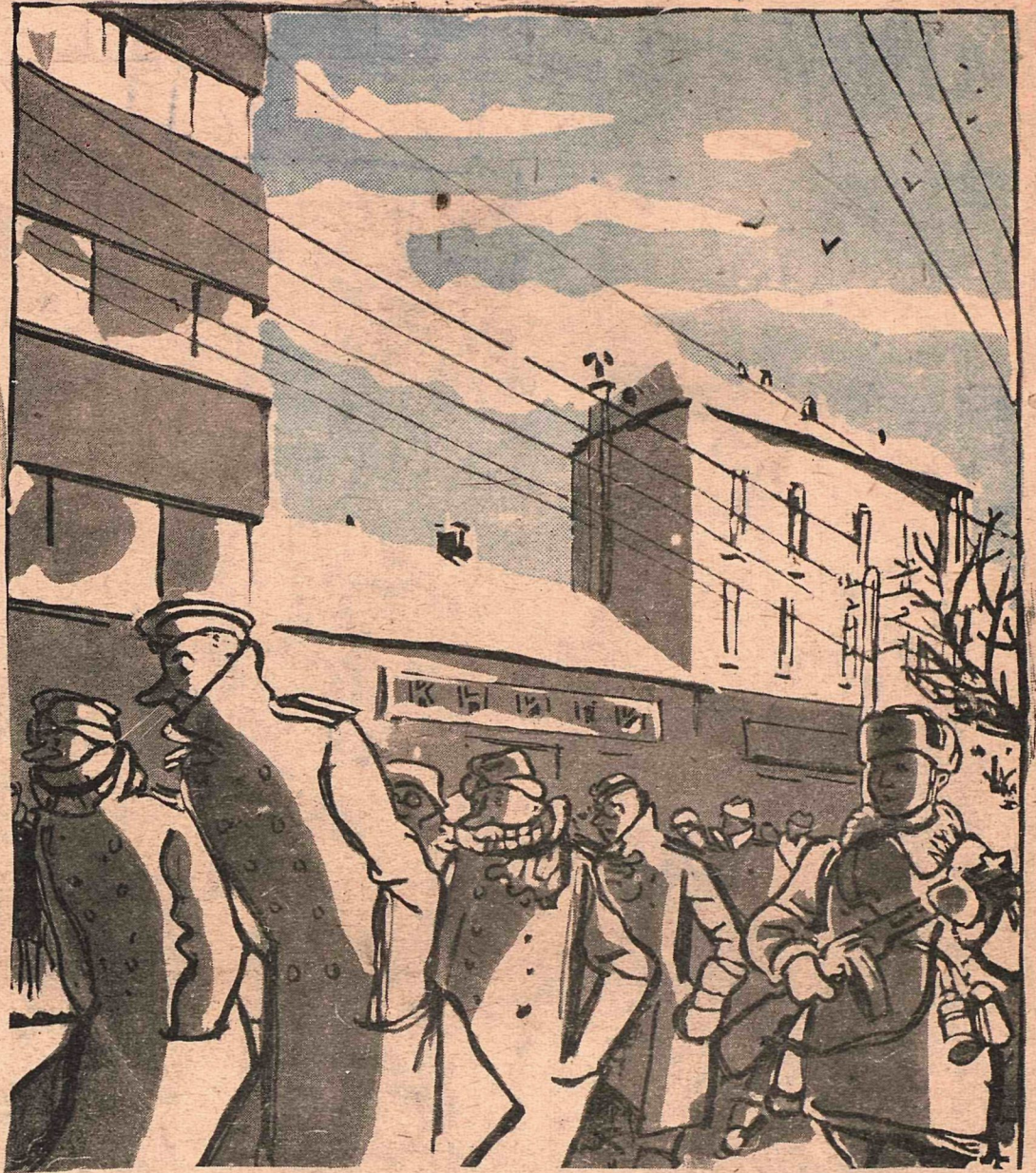
— Давайте условимся, — сказал командир разведчиков — небольшого роста, румяный сержант, — но чтобы концерт был...

— Да уж не беспокойтесь! — прервал его конферансье. — На всякий случай, как ваша фамилия?

— Петров, — ответил сержант, и в ту же минуту грузовик с артистами исчез из глаз.

С этого дня сержант Петров стал задумываться. Два дня он ходил в необычном для него странном раздумье, затем пришел к командиру части. Позднее их видели у развалин водокачки: они долго стояли у стереотрубы и совещались.

В стереотрубу было сравнительно хорошо видно расположение противника. Особенно хорошо были видны две, сходящиеся под углом

Тот случай, когда фрицы, входя в советский город, не грабят.

высокие стены — все, что осталось от большого, семиэтажного дома. Эти две стены поднимались, как утес, над развалинами маленьких домиков окраины, над окопами и укрытиями немцев.

В тот же вечер после разговора с командиром части сержант Петров бесследно исчез на двое суток. До этого последовал приказ вести непрерывное наблюдение за развалинами семиэтажного дома, вернее, за высокими стенами его, поднимавшимися в тысяче метров от переднего края.

День и ночь шел снег; он покрыл ровной, сверкающей пеленой пространство между нашими и вражескими линиями. Эти два дня можно было часто видеть командира части у стереотрубы: он разглядывал покрытое снегом пространство. Затем произошло следующее. Однажды вечером раздались оглушительный взрыв, грохот, обрушивающихся кирпичей, затем дикие вопли немцев. Над передним краем поднялись ракеты, и тотчас же началась наша яростная атака. Через сорок минут все было кончено. Немцы были выбиты из городской окраины. Под развалинами рухнувшей стены

семиэтажного дома оказалось около ста немецких трупов.

Двести метров дороги, которые немцы простреливали из пулеметов, были снова в наших руках. Сержант Петров не без удовольствия стер тряпкой надпись: «Прохода нет. Местность простреливается противником».

— Вот тут мы и устроим концерт, — решил командир части.

Бригада московских артистов не подвела: артисты приехали в тот день, когда обещали. Грузовик-эстраду поставили прямо на дороге. Здесь, на пространстве в двести метров, расположились зрители, бойцы и командиры части.

Конферансье выступал последним с известными всем куплетами. Последний куплет прозвучал так:

«Привет, друзья! Одно лишь слово:
«Петрову — слава и почет!»
Дорогу с помощью Петрова
Мы снова взяли на учет!»

Куплет имел большой успех.

Л. НИКУЛИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-33-56, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

А 62123 Москва. Изд. № 1074. Подписано к печати 10/ХІІ 1942 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3487. Тираж — 200 000 экз.

24

Получ.
в ред. 24/ху

2952

Рис. Л. Бродаты

Культуртрегеры
(Носители культуры)